

Достойный памяти.

Въ дополненіе къ статьѣ почтеннѣйшаго подполковника г. Анненкова, смѣщенной въ № 18 Вѣст. Воен. Дух. 1915 г. о славной смерти дорогаго нашего собрата, о. А. П. Вознесенскаго, священника 149 пѣхотнаго Черноморскаго полка, совѣсть моя не велитъ замалчивать нѣкоторые извѣстные мнѣ факты изъ его жизни, обрисовывающіе нравственный обликъ этого пастыря и высоко-религіозный складъ его благородной души.

Когда я началъ ближе узнавать о. Александра, то постепенно, больше и глубже, проникался искреннимъ почтеніемъ къ его умственному направленію и сердечному настроенію. Въ немъ было что-то особенно пріятное, симпатичное, привлекающее къ нему. Его можно было безошибочно не считать „сыномъ вѣка сего“, но это не мѣшаетъ такимъ лицамъ быть достойными памяти и оставить почитателей по себѣ.

Въ обыкновенныхъ, повидимому, разговорахъ — служебныхъ, общежитейскихъ, товарищескихъ, — всегда проходитъ у него золотую нитью идея, поучающая какой-либо изъ христіанскихъ добродѣтелей: то укрѣпляетъ вѣру, то учитъ кротости и смиренію, то благославляетъ дружбу и наше братство во Христѣ, и какъ скорбитъ, гдѣ его нѣтъ, — то восхваляетъ крѣпость родственныхъ чувствъ и попеченіе „о присныхъ“, и т. п., трогая душу собесѣдника и оставляя въ ней глубокой по назидательности слѣды.

Вдовый и бездѣтный, онъ, по присущей ему добротѣ сердечной, искалъ, кого-бы приблизить къ своему сердцу, къ кому бы проявить отеческія чувства, за кого бы помолиться молитвою истиннаго отца, кого бы вразумить, наставить и поддержать.

И вотъ, полнокая семья такому пастырю была дѣйствительно родною, какъ и чувствовали это своими простыми сердцами христіанлюбивые воины Черноморцы, называя своего батюшку „роднымъ отцомъ“.

А о дѣйствительныхъ его родственникахъ и говорить нечего: для нихъ открыта была вся душа и щедрая рука покойнаго. При немъ жили двѣ вдовы съ дѣтьми (3-мя или 4-мя), которыхъ всѣхъ онъ питалъ и одѣвалъ, а послѣднихъ и воспитывалъ въ учебныхъ заведеніяхъ, давая всѣ средства къ тому. Щедрая рука о. Александра достигала и дальнихъ родичей, которыхъ онъ въ родныхъ ихъ углахъ никогда не забывалъ матеріальною помощію, при всякихъ ихъ нуждахъ и невзгодахъ житейскихъ. Воображаю, какое море слезъ пролито въ родѣ Вознесенскихъ, когда долетѣла до нихъ болѣзненно-скорбная вѣсть о невозвратимой потерѣ своего благодѣтеля, наставника и молитвенника. Дѣти лишились

въ лицѣ его чуднаго учителя души, какъ откровенно сказано однимъ добрымъ педагогомъ: „учитель разума въ школѣ, а учитель души въ кругу семьи“. У о. Александра воспитательно вліяла самая квартира, съ ея скромною обстановкою, съ ея виднымъ иконостаснымъ угломъ и религиозно-нравственными книгами и брошюрами, которые всегда въ изобилии лежали на столѣ, подъ иконами. Конечно, и у всякаго изъ насъ не какая-либо свѣтскость преобладаетъ въ домашней обстановкѣ, но у него это казалось чѣмъ-то обычно выдвинутымъ, привлекающимъ глаза и душу. Не даромъ покойный и съ позиціи часто писалъ мнѣ о высылкѣ молитвенниковъ, евангелій, крестиковъ „съ прочными шнурками“, религиозно-нравственныхъ брошюръ и листковъ.

Что касается богослуженія, то истовое и воодушевленное совершеніе его переливало и въ души молящихся глубоко-религиозное настроеніе служителя Божія. Усердіе его къ церковной службѣ не ограничивалось только своею полковою церковью: въ будніе дни всегда съ удовольствіемъ готовъ былъ замѣнить какого-либо городского батюшку, и очень радъ, когда почаще встрѣчается въ немъ надобность. Изъ лагеря пѣшкомъ придетъ въ городъ, лишь бы попросили служить. При посѣщеніи города мѣстными преосвященными, о. Александръ всегда участвовалъ въ богослуженіяхъ съ ними, не по ихъ предложенію, а по своей личной, обращенной къ нимъ, просьбѣ о томъ, ради исполненія своего желанія. Въ прошлый годъ, въ дни нашего съѣзда, не одну службу совершилъ онъ и въ Петроградѣ. А по окончаніи съѣзда сказалъ мнѣ, что онъ еще поѣдетъ на Валаамъ послужить и помолиться его Чудотворцамъ. Отъ покойнаго я слышалъ, что въ молитвахъ его особенно изливалось с льеное чувство благодаренія къ Богу за дивную Его милость, явленную въ исцѣленіи отъ паралича, серьезно его поразившаго.

Объ этомъ скажу подробнѣе и изложу тѣ обстоятельства, благодаря которымъ фактъ исцѣленія сдѣлался мнѣ извѣстнымъ.

Когда въ 1909 году, началъ упорно держаться слухъ о реорганизаціи арміи и перемѣщенія нашего полка изъ Брестъ-Литовска, то я искалъ подходящаго случая остаться въ этомъ городѣ, ради близости его къ Бѣлостоку, гдѣ обучалась дочь. Узнаю, что мѣсто нашего полка займетъ Черноморскій. Товарищи передаютъ мнѣ, что самый лучшій способъ къ исполненію моего желанія — это помѣняться съ о. Александромъ, который, вѣроятно, долженъ будетъ совсѣмъ уволиться, такъ какъ его постигло параличное состояніе, отразившись на всей правой сторонѣ, до языка включительно. Дополняли, что онъ уже просилъ знакомаго Преосвященнаго о принятіи его въ монастырь. Нужно сказать, что сообщеніе это исходило даже отъ священниковъ, ему, какъ благочинному, подвѣдомыхъ, и, значить, вѣроятя достойныхъ. Я же лично о. Александра не зналъ, а хорошіе отзывы о немъ слышалъ. Въ виду такихъ точныхъ извѣстій, рѣшилъ ѣхать къ нему, чтобъ переговорить по поводу моего намѣренія, узнавъ лично о состояніи его здоровья и дальнѣйшихъ планахъ. Дорогою безпокоила мысль, тактично ли будетъ мое предложеніе челоуѣку, котораго увижу въ первый разъ: къ разлабленію физическому не сдѣлать бы больно его сердцу. Когда я вошелъ въ квартиру и увидѣлъ идущаго ко мнѣ навстрѣчу о. Александра, то былъ удивленъ: откуда только могли возникнуть слухи о болѣзни челоуѣка совершенно здороваго, — и слухи недавніе: неужели онъ такъ скоро могъ поправиться? Въ голосѣ ника-

кихъ признаковъ парализованнаго языка, походка твердая, даже скорая, для его лѣтъ. Единственное, что замѣтно, это хромота на одну ногу. Остальное въ организмѣ все имѣеть нормальный видъ. Смущенный несомнѣтельно своимъ прїѣздомъ къ незнакомому человѣку, я задумался, чѣмъ объяснить цѣль своего визита, затрудняясь завести рѣчь о какихъ-то слухахъ, вызвавшихъ меня на свиданіе съ нимъ. Очарованъ онъ меня своимъ любезнымъ привѣтомъ, угостилъ постнымъ обѣдомъ, ради пятницы, занявъ разказами о заграничной своей службѣ, перешелъ на настоящую, предложилъ посмотрѣть церковь. Все мнѣ понравилось, вездѣ видна заботливая рука, ведущая порядокъ и аккуратность. Въ разговорѣ онъ коснулся одного Архипастыря, знающаго его по академіи, который до сего времени чрезвычайно любезенъ и привѣтливъ къ нему. Тогда я вставилъ вопросъ: „не его ли вы просили принять васъ въ монастырь, какъ я слышалъ, правда ли это и какая тому причина? Съ этого вопроса и повѣдалъ онъ мнѣ все о своей болѣзни точь въ точь, какъ мнѣ было извѣстно. „Вотъ потому-то я и хотѣлъ поступить въ монастырь, но представьте себѣ, дорогой мой, что мнѣ написалъ Владыка: „гдѣ тебѣ жить въ въ монастырѣ, тебя монахи заклюютъ. Можетъ быть, Господь дастъ, поправишься и будешь продолжать службу на своемъ мѣстѣ“. — „Слова Владыки оказались пророчественными“, продолжалъ онъ. „Долго лечился я въ квартирѣ, потомъ отправленъ былъ въ Брестъ-Литовскій госпиталь, пролежалъ тамъ три недѣли; облегченія никакого не вижу. Что же, думаю, я забылъ про Врача небеснаго? Моментально посылаю церковника за извозчикомъ, — усаживаетъ онъ меня, и ѣдемъ на желѣзную дорогу. Отправляемся въ городъ Кашинъ къ Св. Аннѣ Благовѣрной. Исполняя здѣсь, что мнѣ, какъ паломнику нужно, и слѣдую дальше, въ Саровскую пустынь. Выслушавши всю литургію, почти сидя на стулѣ предъ мощами Св. Серафима, хочу приблизиться къ ракъ, чтобъ слушать молебень и приложиться къ св. мошамъ. Тутъ я сразу почувствовалъ, что рука свободнѣе двигается для крестнаго знаменія, нога болѣе тверже и безъ боли ступаетъ на полъ, языкъ легко обращается. Начинаю испытывать его, читая про себя молитву. Слышу, что слова выговариваются отчетливо, безъ заиканія, безъ запинокъ. Рѣшилъ самъ служить молебень и — отслужилъ, къ неизреченной моей радости и во славу всемогущаго Господа Бога, дивнаго во святыхъ своихъ. Съ горячими слезами благоговѣйной благодарности облобызалъ св. мощи преподобнаго и любвеобильнаго Серафима и отправился на родину, которую проѣхалъ мимо, при слѣдованіи изъ Кашина въ Саровъ. Туда я очень спѣшилъ, какъ бы предчувствуя готовившуюся мнѣ, грѣшному, милости-вѣйшую помощь отъ Небеснаго Цѣлителя, чрезъ Его св. угодника. Самособою понятны восторгъ и удивленіе родныхъ, когда я имъ, какъ теперь вамъ, рассказалъ случившееся со мною.„ Такъ онъ закончилъ свою рѣчь.

Тогда я подробно и откровенно объяснилъ ему причину своего прїѣзда. О. Александръ самымъ дружескимъ тономъ отвѣтилъ: „съ удовольствіемъ, *родной мой* ¹⁾, я и теперь помѣнялся бы съ вами мѣстомъ, въ виду вашихъ условій по воспитанію дочери; да дѣло-то въ томъ, что

1) „Родной мой, дорогой мой“, самыя любимыя прилагательныя покойнаго въ обращеніяхъ къ собесѣднику.

и у меня есть родственныя дѣти сироты. Въ Брестѣ же много учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, гдѣ и можно будетъ имъ обучаться, живя у меня, подѣ моимъ надзоромъ и руководствомъ“.

Предѣ такимъ мотивомъ мнѣ оставалось только умилиться и предѣ о. Александромъ извиниться за безпокойство, а все, заслушанное отъ него, сложить и закрѣпить въ своемъ сердцѣ, чтобъ съ другими подѣлиться. Тайну цареву хранить повелѣвается, а дѣло Божіе объявлять слѣдуетъ.

Достоинъ ты памяти здѣсь, на землѣ, какъ добрый пастырь и прекрасный человѣкъ, отецъ Александръ Павловичъ! А тамъ, горѣ, въ дому Отца Небеснаго, да удостоишься ты слышать сладчайшій призывъ Верховнаго нашего Пастыреначальника Христа: *благій рабе и вѣрный, вниди въ радость Господа Твоего!*

Протоіерей Гр. Митропольскій.
